
Елена Омельченко

ЛЮБОВЬ И ЗАБОТА «ЗАОЧНО»: МОЛОДЫЕ ЖЕНЩИНЫ В СЕТЯХ ПОДДЕРЖКИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

В фокусе статьи – «заочницы», молодые женщины, которые дистанционно знакомятся с мужчинами, отбывающими наказание в колониях. После знакомства они включаются в женские сети околотюремной коммуникации, поддерживают с партнерами постоянный контакт по интернету или телефону. Женщины могут являться активными агентами по реинтеграции заключенных в общество после освобождения, чем объясняется внимание к этой группе со стороны исследователей социальной политики. Акцент на заочницах и их практиках коммуникации, режимах ожидания и заботы может внести вклад в развитие актуальных дискуссий вокруг производства женской идентичности в ситуации коренной трансформации повседневного образа жизни. Эта тема оказывается в зоне двойной невидимости – как в рамках гендерных исследований, так и в более узком контексте особых практик близости в около/полу/криминальном мире. Статья основана на результатах эмпирического социологического проекта, посвященного женским сетям поддержки заключенных.

Ключевые слова: пенитенциарная система, родственники заключенных, режимы заботы, «заочницы»

Около тюремных стен

На начало 2014 г. в России в 730 исправительных колониях отбывало наказание 557,7 тыс. человек, из них 45,3 тыс. женщин (Краткая... 2015). При этом людей, находящихся под влиянием пенитенциарной системы, намного больше. Это родственники заключенных, которые наравне с ними страдают

Елена Леонидовна Омельченко – д. с. н., Директор Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: omelchenkoe@mail.ru, eomelchenko@hse.ru

от социальной и экономической маргинализации (Омельченко 2012; Омельченко, Пэллот 2015). В рамках западной традиции социальных исследований пенитенциарной системы накоплен богатый опыт анализа возможных негативных последствий массового тюремного заключения: внимание обращается не только на отбывающих наказание, но и на их семьи – детей, родителей, супругов и партнеров, которые с недавнего времени все чаще попадают в сферу интереса исследователей и социальных работников (Murray 2007). Семьи заключенных становятся важным объектом и субъектом социальной политики большинства западных стран, разрабатываются программы их материальной и психологической поддержки, оказывается помощь для укрепления связей осужденного с родственниками и партнерами. Готовность принять освобождающегося из заключения расценивается как важнейшее условие успешной пост-тюремной адаптации и профилактики рецидивного криминального поведения (Mills, Codd 2008).

В первых работах родственники осужденных назывались *forgotten (hidden) victims*, т.е. забытые или скрытые жертвы (Codd 1998; Light, Campbell 2007), позже этот академический дискурс сменился дискурсом мобилизации семьи в новых обстоятельствах, иногда – защиты позиции женщины в целях изоляции агрессивного мужчины. В новейших работах исследователи призывают отказаться от моральных и эмоциональных оценок и посмотреть на социальные последствия тюремного заключения для разных членов семьи. Особый интерес в этом отношении представляет работа Меган Камфорт (Comfort 2008) об особенностях влияния «тюремизации» (*prizonisation*) на родственников заключенных. В этой работе дается развернутая характеристика изменений, происходящих в судьбах всех членов семьи (особенно тех, что связаны прямым родством – жен, матерей, сестер, дочерей), в результате стигматизации со стороны социальных служб, родственников, соседей и общества в целом. В фокусе других работ оказываются эмоциональные, социально-экономические последствия появления в семье заключенного (Todd et al. 2001). Есть работы, посвященные исключительно женам (Fishman 1990), изменению ролевой модели женщин (Moerings 1992), роли семьи, как социального капитала для заключенного (Mills, Codd 2008).

В России родственники заключенных не выделяются в качестве отдельной категории для государственной поддержки, что отражает общее состояние пенитенциарной системы, в которой внимание сконцентрировано на вопросах наказания, а не на процессе адаптации после освобождения. Между тем родственники и партнеры наравне с самими заключенными испытывают общественное давление, стигматизацию и исключение. Как и в целом «тюремная» проблематика, положение родственников заключенного не находит понимания среди отечественных исследователей. Например, тема трансформации идентичности «женщины заключенного» (то есть его матери, жены, партнерши) в контексте затяжного ожидания возвращения, остается практически непредставленной даже в гендерных исследованиях.

Специфически российская ситуация проявляется и в том, что пенитенциарная система находится под влиянием советской репрессивной идеологии, на периферии внимания общественности, и как любые бюджетные структуры переживает значительные экономические трудности.

Женщины, которые дистанционно знакомятся с заключенными-мужчинами, редко привлекают внимание ученых, а для России это и вовсе новаторская тема. Этим женщин называют «заочницами». Это устоявшееся понятие, которое используют и сами женщины, вступающие в дистанционное общение с мужчинами, и их партнеры. Заочно – значит без какого бы то ни было визуального/реального контакта, исключительно по переписке или с использованием новейших информационных средств коммуникации. Для анализа общения с заключенными-мужчинами перспективно использовать традиционный для гендерной теории подход, выявляющий режимы заботы, дополнив его анализом ситуаций знакомства и ухаживания, а также строительства и поддержания отношений на расстоянии. В этом контексте забота рассматривается как взаимная эмоциональная связь между тем кто ее осуществляет и тем, о ком заботятся; а также как обязательства, в соответствии с которым тот человек, который осуществляет заботу, чувствует себя ответственным за благополучие других и выполняет интеллектуальную, эмоциональную и физическую работу как выражение этой ответственности (Hochschild 2003: 214).

Эмпирическую базу данной статьи составили интервью с женщинами, которые идентифицировали себя как «заочницы», собранные в Санкт-Петербурге, Москве, Ульяновске, Саратове в 2012–2013 гг. Было проведено 33 глубинных биографических интервью и десять экспертных. Рекрутинг информанток осуществлялся как самостоятельно через социальные сети, так и на специализированных сайтах, где проводниками были модераторы форумов и активистки российских женских сетей поддержки заключенных.

«Заочницы» – кто и кого так называет

Почему нет такого слова – заочница? Ничего такого обидного здесь нет, я считаю... Очница – это та, которая знала до подсадки, до этого всего. А коль ты виртуально познакомилась, у тебя виртуальное общение <...> ребята выходят и со знаком благодарности к ним в ножки кланяются, она обеспечила ему жизнь нормальную, достойную, то бишь, он ни в чем не нуждался, посылки, там, какие-то медикаменты, все (Виктория¹).

Риски и сопротивление

Всех женщин в той или иной степени вовлеченных в удаленную коммуникацию с сидельцами, а не только тех, которые дистанционно

¹ Все имена изменены, информированное согласие на публикацию материалов интервью в академических текстах получено.

знакомятся с будущими партнерами, можно в определенной степени назвать «заочницами». Свидания, тем более физическая близость – крайне редкие события, если муж или партнер осужден на длительный срок, то активное ожидание и поддержка (материальная и моральная) остаются единственными способами сохранения интимности и доверия. Однако практики заботы заочниц имеют свою специфику, что и позволяет рассматривать их опыт в качестве особого случая.

Заочное знакомство с целью установления близких отношений всегда сопряжено с рисками. Виртуальные образы потенциальных партнеров могут не иметь ничего общего с реальными, у них могут быть самые разнообразные мотивы, в том числе – обман, шантаж, насилие. Кроме того, мужчины-сидельцы могут иметь несколько заочных подруг (часто параллельно с официальными женами), поскольку наличие широких сетей поддержки – значимый элемент статуса, социального и культурного капитала, то есть возможность «греться»: получать посылки с воли, краткие и длительные свидания. И хотя в историях наших информанток не было прямых ссылок на практики обмана (например, для получения «стипендий» сидельцами¹ или, наоборот, обмана сидельцев – «девочками»²), риск заочных связей очевиден. Так, в одном из интервью была рассказана история о попытке сексуального насилия во время свидания с «заочницей», после чего был введен запрет на длительные свидания для «гражданских» жен. Различные формы эксплуатации с обеих сторон (преимущественно мужчинами), психологическое и материальное насилие приводят к тяжелым депрессиям, наносят глубокие душевные раны.

Но дистанционные отношения – это добровольная, сознательно выбираемая стратегия. Почему же, имея доступ к различной информации о возможных рисках и последствиях, зная из рассказов родственников и знакомых о сложностях такой жизни, женщины выбирают ее? Что стоит за этим выбором? Позволяет ли дистанционное общение менять, перестраивать наследуемые и предписываемые структурными ограничениями гендерные роли, сопротивляться их жестким правилам, создавать индивидуальное пространство смыслов и ценностей собственной жизни?

Знакомства

...очень многие удивлялись, что, когда он уже сидит, знакомятся и расписываются, и жена там не большая толстая безобразная, <...> модели выходят замуж за эков, <...> роспись на нашей зоне идет каждый месяц <...> не меньше десяти, все расписываются <...> я не говорю, что все арестанты хорошие, а мой все равно хороший [смеется] (Светлана, 27 лет).

¹ «Стипендия» используется в тюремной среде, как синоним ежемесячной поддержки заключенного: деньги, продукты и вещи.

² Были истории о том, как мужчины оплачивали из колонии проезд женщин на свидания, содержали их, оплачивая счета и обучение детей. Однако по большей части оплачивались приезды проституток.

Мы столкнулись с различными объяснениями мотивов и целей включения в «заочную» коммуникацию. Целенаправленный поиск партнера/ мужа среди заключенных мог объясняться семейным опытом («мама познакомилась с будущим мужем по переписке»), советами и примером подруг, проблемами в поиске и коммуникации «вживую», романтизацией криминального мира или включенностью в него. Так, например, Ольга познакомилась с будущим мужем в социальной сети «Одноклассники» через свою подругу, которая уже переписывалась с заключенным, узнала, что он *«уже давно сидит, у него срок одиннадцать лет. Это 162-я статья – разбой»*. Через месяц едет на краткое свидание. Был *«мегаскандал в доме... и я говорю: "Делайте со мной, что хотите, я, все равно, буду с ним общаться"»*. Отец по своим связям узнает все о Николае:

...общались с начальством колонии, и потом папа сказал, что все о нем хорошего мнения, тра-та-та, работает. Родители сказали: «Всё, ладно, общайся» <...>. Он прилично зарабатывает, он мне помогает финансово <...>. Он шьет, и он наладчик на производстве, как бы, единственный, поэтому у него, там, и по шитью много заказов.

Через полгода Ольга добивается длительного свидания, и они принимают решение «расписаться» (пожениться).

Желание переписываться может быть связано с любопытством:

...что-то зацепило, решила ответить... я там как бы не фамилию написала, а ник нейм, ну, грубо говоря, написала «Вика Блатная». Он написал: в чем смысл твоей плоти? На кухне? Ну, я ответила: далеко не на кухне. <...> потом пошло (Инна, 23 года).

Мотивом к знакомству могло стать изменение жизненных обстоятельств, одиночество, тоска, ощущение своей ненужности:

Познакомилась от нечего делать... сын создал анкету на сайте знакомств... Пришло сообщение, вроде бы в разговоре все так прилично, без оскорблений, без матерных слов, завязалось общение, я решила поехать на короткую свиданку... Все, и вот вместе остались (Виктория, 30 лет).

Поиск заочного знакомства мог объясняться неопытностью в общении с мужчинами, пережитым опытом насилия, желанием найти покровителя, а также – для удовлетворения физиологических потребностей. Отдельный сюжет – это проституция¹.

¹ Этот вопрос связан с другой околотюремной системой – (полу)криминальной, теневой экономикой. В данном случае речь идет о своего рода использовании роли «заочниц» для получения длительных свиданий с сидельцами для женщин, занимающихся проституцией. Это предмет отдельного исследования, хотя информантки рассказывали нам о существовании этих практик и их негативном влиянии на имидж «заочниц» в целом, но имеющегося материала недостаточно для подробного рассмотрения этого вопроса.

Режимы ожидания: время, пространство, активности

Добровольно приобретенный статус родственницы заключенного полностью меняет повседневную жизнь женщины, которая начинает протекать в офф- и он-лайн формате со своими нормами, правилами, кодексами чести. Вовлечение в околотюремную культуру происходит через окружение, социальные сети, Интернет-форумы и сайты, подруг, с которыми сблизилась, ожидая свиданий на КПП, контакты с охранниками, сотрудниками администраций колоний, врачами, полицией, адвокатами и, конечно, с самими сидельцами. Пространственно-временное измерение повседневной жизни становится смесью свободы (дом, семья, работа) и тюрьмы, ритм которой задается ожиданием писем, звонков, свиданий, свадьбы, УДО, освобождения партнера. Ожидание становится телесным и эмоциональным фоном каждого дня.

В: А давно вы знакомы?

О: Уже пятый год.

В: Ну, уже срок.

О: Когда девочка общается с тем миром, и месяц – это срок, потому что месяц – это нервотрепка, постоянно думаешь: «Как он там» <...> Стойкие выдерживают, слабые ломаются... отбор природы (Виктория, 30 лет).

Свидания – это единственные реальные (живые) паузы в протяженном заочном партнерстве. По внутреннему регламенту колоний, если нет документа об официальной регистрации брака, разрешаются короткие свидания через стекло – до четырех часов, – и это первый раз, когда мужчина и женщина видят друг друга.

...был март, из темноты, когда заходишь в помещение, глаза режет и ничего не видно. <...> А я и так его узнать не могу <...> Мне было страшно, я все пыталась его рассмотреть (Светлана, 24 года).

После ужесточения правил внутреннего распорядка колоний в отношении длительных свиданий (теперь разрешено только женам, сестрам и матерям), заметно увеличилось количество свадеб на зоне. Свиданий с нетерпением ждут, подготовка занимает много времени и требует серьезных финансовых затрат, особенно если колония находится в далеком от проживания месте.

Тюремизация дома и domestikация тюрьмы

Ожидание не только эмоционально заполняет дни разлуки и коротких встреч, оно становится телесно-пространственным измерением жизни. Комната или отгороженный угол в квартире, начинают походить на «камеру»: на столе компьютер и телефон, фотографии сидельца, свадьбы (если была), может звучать музыка из репертуара тюремного шансона, на полу –

собранные, готовые к отправке на зону баулы с вещами, продуктами, сигаретами, чаем и кофе. Приезжая в колонию на длительное свидание, женщины стараются привезти с собой максимально вещей и предметов, создающих иллюзию дома и семьи – постельное белье, банные халаты, скатерть, посуду, косметику, одежду, много-много еды. Некоторые устраивают во время длительных свиданий вечеринки (на «общей кухне») с другими «семьями»: смотрят телевизор, выпивают, общаются.

И он любит готовить, и я люблю готовить... Единственно, бывает с духовкой, но и то, это, можно поймать момент. <...> У нас в комнате есть электрический чайник, микроволновка, плазменный телевизор <...>. Сейчас поставили кондиционер, поэтому, ну, вообще шик (Ольга, 26 лет).

Свадьбы

Все информантки говорили об ограничениях, связанных с разрешенными продуктами и напитками, со свадебным нарядом и необходимостью расставания. Рассказывались истории и о том, как на свадьбу приезжали родственники, родители и дети, как собирали потом на общей кухне вечеринку, как танцевали. «Обычные свадьбы» проходят в одной из комнат общего помещения для длительных свиданий: «...*заходит женщина в комнату, они ставят росписи, она отдает им свидетельство и уходит. Все, вы расписаны*». Сценарии «торжественной свадьбы» отличаются. На зоне она стоит 1200 рублей, проходит в присутствии «гостей» (включая друзей жениха с зоны), событие снимается на видео- и фотоаппарат, разрешается торт:

... нас было две пары, <...> я была в черных брюках, в туфлях, белая кофта, <...> сверху манто из лебединого пуха... играла музыка Мендельсона... ковер у нас был красный. <...> женщина из ЗАГСа очень хорошо говорила, видно было, что она говорила от души, что она реально нам желает счастья... руки тряслись, одели кольца, мы поцеловались, мы даже станцевали... была живая музыка, сами арестанты пели, был оркестр, потом фотографировались... Как говорится, есть, что вспомнить (Светлана, 24 года).

Гендерное измерение заочного партнерства: забота и контроль

Гендерный анализ режимов заботы фокусируется на особых практиках родительства и семейной политики, внимание обращается на ожидания заботы со стороны зависимых, нуждающихся (дети, пенсионеры, инвалиды), а также реципрокность гендерных и поколенческих контрактов (Temkina, Zdravomyslova 2003; Ярская-Смирнова 2010; Чернова 2013). К женской заботе в контексте ее «естественного предназначения», обязательств служения мужчине (мужу, сыну, отцу) – домашний труд, материнство, карьера «декабристки» – обращаются

реже, в основном в рамках феминистской критики. Практики заботы в отношении изолированных и стигматизированных групп (ВИЧ-инфицированные, алкоголики и наркоманы, заключенные) практически не исследуются. На мой взгляд, обращение к режимам заботы в данном формате значимо не только для понимания женских сценариев заочного партнерства, но и в более широком контексте конструирования *женского* в ситуациях социального исключения и стигматизации, а также практик сопротивления.

Что отличает практики заботы о заключенных у заочниц от тех, во что вовлечены жены, в чем смысл отдельного рассмотрения? Женщины, мужья которых отбывают наказание, оказываются в ситуации «принуждения» к заботе. Новые обстоятельства жизни в одночасье обрушиваются на них, сопровождаясь многочисленными финансовыми, эмоциональными, социальными проблемами. Кто-то не справляется с подобной ношей, отказывается поддерживать отношения, кто-то вовлекается в эти режимы, с трудом свыкаясь с ситуацией, приобретая новый опыт, начинает производить себя, как нормальную и верную жену. Кто-то принимает случившееся, как новый жизненный этап, активно включаясь в борьбу за выживание – свое, семьи и супруга. Однако это всегда вынужденная роль, семейная трагедия, сопряженная с сопротивлением социальной стигме, моральному порицанию и исключению.

Включаясь в женские сети поддержки, приобретая статус «жены» заключенного, «заочницы» начинают следовать общим правилам и нормам коммуникации, как приписываемых формально, так и конвенционально разделяемых женским околотюремным сообществом, что не исключает вариативность индивидуальных версий принятия и сопротивления этим требованиям.

Существуют разные сценарии финансовой заботы: чаще всего женщина оплачивает различные потребности своего партнера, реже – мужчина берет на себя финансовое обеспечение. Последнее характерно для отношений с тюремными авторитетами, жены которых могут не только жить на содержании мужей, отбывающих сроки в колониях, но и держать так называемый «общаг»¹:

... он у меня всегда, как бы, телефон оплачивает <...> На свидание он мне всегда деньги возит, я все продукты покупаю, и там потом оплачиваю свидание всегда за его счет (Ольга, 26 лет).

Забота может проявляться через ответственность женщины за здоровье и самочувствие сидельца, за *«спасение мужчины»* в колонии, а после освобождения – за его психологическое состояние, чтобы *«вернуть его к нормальной семейной жизни»*. Женщины могут запрещать своим друзьям работать на зоне, чтобы не навредить их здоровью, пусть лучше *«сидят спокойно»*.

¹ Фонд неформальной, часто криминальной поддержки заключенных, их жен и родственников, средства в который собираются по всем криминальным сетям, как в виде процента от противозаконных операций, так и добровольных пожертвований.

Плотное включение в повседневную жизнь мужчин, находящихся в заключении, формирует особую ретиорику, женщины начинают говорить о жизни на зоне, проблемах и задачах, решение которых связаны с судами, адвокатами, администрацией и охранниками в колониях в режиме «мы», происходит как бы полная идентификация жизней обоих, вместе с виной за содеянное преступление, ответственностью перед родственниками, отношениями с властью и законом:

Работать, тем более... сотрудничать с правоохранительными органами для нас это не приемлемо. <...> Вот мы год уже не можем уйти по УДО из-за того, что мы просто не сотрудничаем с администрацией... Ни я, ни супруг <...> Я тоже много информации знаю (Ольга, 26 лет).

Эмоционально-моральный фон сопряжен с особыми страданиями и унижениями. Кроме стигматизации со стороны членов семьи и соседей, а у части женщин и коллег по на работе, они также вынуждены испытывать вину за (добровольный) выбор «такого мужчины» и, ассоциативно, становиться виноватыми в его преступлении, образе жизни, отвечать за его поведение на зоне, конфликты с охраной и администрацией. Это, с одной стороны, подталкивает к формированию активной гражданской позиции, с другой – приспособлению к тюремным правилам с их кодексом чести «правильной жены» зека:

...когда я первый раз туда заходила и мне сказали: «Ну, что сука? Приехала сюда е*аться?» – я просто стояла тупо и молчала. Вот, если б это было на улице где-нибудь, на остановке, я извиняюсь за свою лексику, дала бы по роже и все. <...> а там, молча я стояла, когда мне лазали в трусы, молча стояла. Дорог момент увидеть человека, самого близкого, вот и все. Это очень унижительно, проходишь через муки ада (Ольга, 26 лет).

Режим заботы не ограничивается привычными практиками повседневного ухода в отношении нуждающихся, женщины постепенно становятся единственными «социальными агентами помощи», восполняя, а часто и полностью принимая на себя функции государства по обеспечению осужденных самым необходимым, подготавливая их возвращение к свободной и нормальной жизни:

Если учреждение ИК [исправительная колония] не может обеспечить здравоохранение мужчинам, которые там находятся... Я свободный человек – вызвала врача, взяла больничный и кожу лечусь. У заключенного такой возможности нет, я – готова, мать – готова, все готовы взять его на свое обеспечение и кормить <...>. У него срок 12 лет, не 12 дней, не 12 часов. Это все, это отломанный ломоть от жизни, понимаете, сколько ему нужно наверстать за эти 12 лет. Сейчас трудно, а потом будет еще труднее, это работать и работать с психологами, <...> он как слепой котенок (Светлана, 27 лет).

Ключевой коммуникативной практикой дистанционного поддержания «общего жизненного пространства» становится контроль, который имеет амбивалентный смысл: заботы и дисциплинирования. Женщина-партнер для сидельца – это канал связи со свободой, она – его глаза и уши. Благодаря развитию информационных технологий общение стало более доступным, а возможности контроля – тотальны. Доступность связи в течение 24 часов – знак высокого статуса, это помогает преодолеть изоляцию, пересечь границы зоны, включиться в свободную жизнь. Однако полной включенности в жизнь друг друга партнеры достичь не могут даже при интенсивной коммуникации, что усиливает неопределенность и риск, стимулирует постоянный контроль за «своей» женщиной и «своим» мужчиной.

Самая распространенная практика поддержания связи – телефонные разговоры. Вовлечение в режим постоянного говорения происходит постепенно. Если связь с человеком держится долго и устойчиво, формируется зависимость, которая переопределяет графики жизни и бюджет времени женщины. По мере того как постоянная эмоциональная работа становится необходимой и рутинизируется, происходит совместное выстраивание историй знакомства, встреч, биографий друг друга, версий преступления и справедливости наказания, отчетов о проведенном дне, покупках, приготовлении еды, воспитании детей, отношений на работе и на зоне. Отчеты формируют инерцию времени, когда отсутствие привычного звонка из зоны каждые 2–3 часа воспринимается болезненно и даже панически. Связь и близость по телефону становится столь же естественной и обычной, как и физическое присутствие.

Мужчина начинает присутствовать не только в жизни женщины, но и в ее доме, на работе, прогулках, каждый день. Она просыпается и слышит: «*Доброе утро, родная*», ложится спать: «*Спокойной ночи, родная*».

Мы вообще никогда не ругаемся. ...мы круглосуточно общаемся. <...> любые проверки на зоне, мы, все равно, всегда общаемся. Круглосуточно. <...> у нас безлимитная связь <...> он может, там, своими делами заниматься, я своими, на телефоне раз – параллельно сказали, дальше занимаемся (Виктория, 30 лет).

Традиционные вопросы мужчины: «Ты где сейчас, а кто с тобой, а что делаешь?» – формируют устойчивую привычку отчитываться обо всем:

...сейчас я не хожу ни в какие клубы <...>. Раньше ходила. <...> Сейчас он не пустит <...>. Позвонит! Все. Скажет: «Ты где?» Один раз после того, как мы познакомились, я так убежала. Я в одиннадцать часов вечера сказала: «Все, я ложусь спать, спокойной ночи». В это время надела колготки (Ольга, 26 лет).

В устойчивых отношениях контроль становится обоюдным. У «заочниц», если они не новички, со временем устанавливаются широкие социаль-

ные сети, в которые вовлечены как такие же дистанционные невесты, так и друзья-мужчины на зоне. Чем шире сеть, тем больше возможностей для контроля друг друга через друзей и подруг. Мужчины в колонии учатся друг у друга навыкам дистанционного знакомства, ухаживания и производства режима заботы/контроля и искренности. Популярностью пользуются авторские тексты самих заключенных по основам психологии, приемах манипуляции, о том, как сделать так, чтобы женщина попала в психологическую зависимость. Чем шире сеть друзей, тем более успешным, плотным и надежным становится включенность в жизнь друг друга. Сети в колониях формируются как среди осужденных, так и среди охраны.

Контекст заочной коммуникации отличается особыми гендерными образами и мифами. Это отчасти похоже на гендерный маскарад с участием реальных и воображаемых мужчин и женщин. Дистанционная коммуникация дает пространство для проигрывания различных сценариев и вариантов отношений. С одной стороны, мужчина-сиделец – источник сетевого контроля и постоянного (пусть и не всегда осознанного) страха перед его освобождением. С другой стороны – это безопасный мужчина, поскольку он пространственно изолирован, и женщина может всегда выйти из коммуникации, отключить телефон и удалить контакты. Очевидно, что реальность вносит в эти образы свои коррективы, ожидание встречи и освобождения сопровождаются сильными эмоциональными переживаниями, фобиями, разочарованиями.

Для режимов заботы, поддерживаемых женщинами, характерен особый тип морального доказательства: авторитет женщины, которая правильно ждет, как особый героизм и жертва. Для статуса внутри сетевой иерархии важен срок ожидания. Настоящая жена – это та, которая ждет мужа не менее пяти лет. Разрывать отношения во время ожидания считается нарушением конвенции, заложницами которой становятся многие желающие соответствовать образу настоящей и правильной жены зека: *«Вот я его жду – вот он выйдет, и я его брошу»*. Женщины могут добровольно нести свою службу по инерции, когда «долг женского» начинает подменять любовь и привязанность, а забота становится абсолютным императивом.

Однако есть и другая сторона этой вовлеченности. Заочная коммуникация с заключенными приводит к включению в широкие женские сети поддержки и активного общения друг с другом. Многие информантки с особым чувством благодарности говорили о психологической, эмоциональной и материальной помощи, которую они получают благодаря этой солидарности и неформальному «женскому братству». Это помогает им обрести свой круг подруг, нормализовать статус жены заключенного, получить подтверждение самодостаточности:

Общаемся по телефону, по скайпу на компьютерах тоже, вот с девочками с других городов, с других регионов. Встречаемся, у нас есть сборы, это обязательно, вот сейчас должны тоже встретиться, всех соберем, пообщаемся, за чашкой чая, в такой домашней, семейной обстановке. Потому что,

на самом деле, наша организация¹... ну мы реально как семья, можно сказать свое маленькое государство... те девочки, которые вступают в эту организацию, благодаря нам они начинают изучать просто для себя свои права <...> когда приехала первый раз на длительное свидание, меня так обшманали, меня так унизили, меня заставили снять нижнее белье и присесть... Они не имели права это делать. Но так как я не знала, я не была в этой организации, я не знала о правах, я это делала... понимаете? А теперь – нет! А не имеете права [смеется] (Светлана, 27 лет).

Заключение: забота или служение?

Статья не претендует на охват всех направлений и практик заботы, характерных для женщин-«заочниц». Так, например, за рамками статьи остался вопрос о реципрокности обмена между женщинами и освободившимися заключенными, то есть меняется ли практика помощи семье со стороны освободившихся, или она носит односторонний характер, как это бывает в период поддержки родственника в местах лишения свободы. Для ответа на этот вопрос нужно проводить новое исследование.

Эмоциональная и материальная созависимость заключенных и их партнерш приводит к воспроизводству гендерного неравенства. Для женщины сокращаются возможности образования, трудоустройства, репродуктивного поведения. Ситуация созависимости и контроля делает женщину «квази-заключенной», она попадает в тюремную машинерию вместе с навязываемыми ей практиками дисциплинирования и контроля (режим, система запретов, ограничение свободы передвижения).

Вместе с тем включение в режим заботы об осужденных требует от женщин обретения определенных компетенций и воли. Ситуация безнадежности и исключения может стимулировать не только желание отказаться от «служения», но и мобилизацию. «Заочницы», добровольно включаясь в околотюремную коммуникацию, так же, как и другие женщины, постепенно нормализуют свою участь «жены зэка». Включение в сети поддержки и сообщества таких же, как они, придает им уверенность и силу.

Сталкиваясь с репрессивной и дегуманизированной пенитенциарной системой, женщины и семьи сидельцев, вольно или невольно оказываются в роли новаторов, защитников, охранителей людей, которые лишаются не только свободы, но и прав на обнаружение своей «человечности», будь то потребность в медицинском обеспечении или в коммуникации. Жены, матери и «заочницы» не могут противостоять системе, однако, они способны ее очеловечивать через привнесение в колонию внережимной эмоциональности.

¹ Светлана – модератор специализированного сайта для жен и подруг заключенных, а также руководитель НКО, которая занимается юридической и психологической помощью женщинам, вовлеченным волею судьбы или добровольно (как «заочницы») в сети поддержки.

В рамках широкой и социально острой проблемы содержания заключенных отношение к «заочницам» и их судьбы кажутся частным малозначительным случаем. Тем не менее, этот сюжет может открыть новую перспективу исследования режимов заботы и их места в гендерных порядках, характерных для особых семейно-брачных и партнерских отношений, когда женщина, с одной стороны, оказывается вписанной в достаточно жесткую патриархальную структуру, с другой стороны – становится, отчасти вынужденно, ярким примером женской инициативы и власти, субъектом преобразований не только частных отношений, но и взаимодействий с государством и властью.

Признание того, что именно семьи играют одну из ведущих ролей в реабилитационных процессах, не влияет на отношение к ним государства – эти семьи остаются в зоне маргинальности и несения «повинности» (Roberts 1994). Виновные «по ассоциации» продолжают нести полную ответственность за преступника из-за негласного подозрения в том, что они наверняка должны были знать о преступной деятельности и нарушении закона. Социальная изоляция преступника, которая достигается путем лишения свободы, распространяется и на партнеров, членов семей и даже детей (Matthews 1983). Если исходить из важности содействия и поддержания отношений между заключенными и их семьями, то необходимо признать, что различные группы родственной и партнерской поддержки должны всячески поощряться. В более долгосрочной перспективе, опыт и потребности семей заключенных должны быть перемещены из поля «личного дела и ответственности» в поле уголовно-правовой и социальной политики государства.

Список информанток

Светлана, 27 лет, муж (поженились в колонии) отбывает наказание за убийство, срок – 12 лет. Активный участник женских сетей поддержки, модератор специализированного сайта.

Ольга, 26 лет, высшее образование, преподаватель английского языка, протестантка. Мама – преподаватель французского языка, папа – директор управляющей компании.

Инна, 23 года, высшее образование, живет с мамой. Ее друг освобожден за несколько месяцев до интервью, ему 30 лет, сидел за расстрел военнопленных в Чечне (статья УК за самосуд), ВИЧ инфицирован.

Виктория, 30 лет, развелась с мужем, есть сын от первого брака, с партнером знакомы 5 лет, срок заключения – 12 лет (разбой, убийство).

Светлана, 24 года, родители погибли 2 года назад, ребенку от первого брака 3 года.

Выражения признательности

Индивидуальный исследовательский проект N 12–01–0153 «Около тюрьмы: идентичность и повседневность родственниц заключенных» осуществлен при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» 2013–2014 гг.

Список источников

- Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы, 2015 // <http://goo.gl/PG0XiV> (дата обращения: 24.05.2015).
- Омельченко Е. (ред.) *До и после тюрьмы: женские истории*. СПб.: Алетейя, 2012.
- Омельченко Е., Пэллот Дж. (ред.) *Около тюрьмы. Женские сети поддержки заключенных*. СПб.: Алетейя, 2015.
- Чернова Ж. *Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Ярская-Смирнова Е. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской политики // *Женщина в российском обществе*. 2010. (2): 14–25.
- Codd H. Prisoners' Families: The "Forgotten Victims" // *Probation Journal*. 1998. 45 (3): 148–154.
- Comfort M. *Doing Time Together: Love and Family in the Shadow of the Prison*. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
- Fishman L. *Women at Wall: a Study of Prisoners' Wives Doing Time on the Outside*. New York: State University of New York Press, 1990.
- Hochschild A. R. *The Second Shift*. New York: Penguin Books, 2003.
- Light R., Campbell B. Prisoners' Families: Still Forgotten Victims? // *Journal of Social Welfare and Family Law*. 2007. 28 (3–4): 297–308.
- Matthews J. *Forgotten Victim*. London: NACRO, 1983.
- Mills A., Codd H. Prisoners' Families and Offender Management: Mobilizing Social Capital // *Probation Journal*. 2008. 55 (1): 9–24.
- Moerings M. Role Transitions and the Wives of Prisoners // *Environment and Behavior*. 1992. 24 (2): 239–259.
- Murray J. The Cycle of Punishment: Social Exclusion of Prisoners and Their Children // *Criminology & Criminal Justice*. 2007. 7 (1): 55–81.
- Temkina A., Zdravomyslova E. Gender Studies in Post-Soviet Society: Western Frames and Cultural Differences // *Studies in East European Thought*. 2003. 55 (1): 51–61.
- Todd C., Rose D., Ryder J. Incarceration and the Community: the Problem of Removing and Returning Offenders // *Crime & Delinquency*. 2001. 47 (3): 335–351.

Elena Omelchenko

LOVE AND CARE "ON THE DISTANCE": YOUNG WOMEN IN THE NETWORKS OF THE PRISONERS' SUPPORT

This article focuses on the activities of young women who seek contact with imprisoned men via the Internet or telephone and subsequently develop long-term relationships and/or join female support networks for prisoners. Academic interest in this category emerges as rather unusual puzzle: choosing to date prisoners can appear to be a somewhat "exotic" choice of mate, especially given the variety of options on offer to these young women on the outside. In the article the life stories of young women are explored and the specific details of current prison studies in Russia, which are very much underdeveloped, are discussed. The focus on "distant wives" and their communication, the waiting regimes and care practices can contribute to current debates on the production of female identity in conditions where everyday life is totally transformed. This question is underestimated and "invisible" both in gender studies, and also in more narrow studies of the specific practices of intimacy in the near/semi/criminal world. The paper is based on empirical sociological research on female support networks for prisoners.

Key words: penitentiary system, relatives of the prisoners, care regimes, "distant wives"

References

Chernova Zh. (2013) *Semya kak politicheskiy vopros: gosudarstvennyy proekt i praktiki privatnosti* [The Family as a Political issue: the State Project and Privacy Practices], Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Codd H. (1998) 'Prisoners' Families: The «Forgotten Victims». *Probation Journal*, 45 (3): 148–154.

Comfort M. (2008) *Doing Time Together: Love and Family in the Shadow of the Prison*, Chicago: University of Chicago Press.

Fishman L. (1990) *Women at Wall: a Study of Prisoners' Wives Doing Time on the Outside*, New York: State University of New York Press.

Hochschild A. R. (2003) *The Second Shift*, New York: Penguin Books.

¹ Elena Omelchenko – Doctor of Sociology, Head of Centre for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russian Federation. Email: eomelchenko@hse.ru

- Kratkaya kharakteristika ugovovno-ispolnitel'noy sistemy [A Brief Summary of the Penitentiary System] (2015). Available at: <http://goo.gl/PG0XiV> (accessed 24.05.2015).
- Light R., Campbell B. (2007) Prisoners' Families: Still Forgotten Victims? *Journal of Social Welfare and Family Law*, 28(3–4): 297–308.
- Matthews J. (1983) *Forgotten Victim*, London: NACRO.
- Mills A., Codd H. (2008) Prisoners' Families and Offender Management: Mobilizing Social Capital. *Probation Journal*, 55 (1): 9–24.
- Moerings M. (1992) Role Transitions and the Wives of Prisoners. *Environment and Behavior*, 24(2): 239–259.
- Murray J. (2007) The Cycle of Punishment: Social Exclusion of Prisoners and Their Children. *Criminology & Criminal Justice*, 7(1): 55–81.
- Omelchenko E. (ed.) (2012) *Do i posle tyurmyi: zhenskie istorii* [Before and After Prison: Women's Stories], Saint Petersburg: Aleteyya.
- Omelchenko E, Pallot J. (eds.) (2015) *Okolo tyurmyi. Zhenskie seti podderzhki zaklyuchennyih* [Closer to Prison. Female Support Networks for Prisoners], Saint Petersburg: Aleteyya.
- Temkina A., Zdravomyslova E. (2003) Gender Studies in Post-Soviet Society: Western frames and cultural differences. *Studies in East European Thought*, 55(1): 51–61.
- Todd, C., Rose, D., Ryder, J. (2001) Incarceration and the Community: the Problem of Removing and Returning Offenders. *Crime & Delinquency*, 47(3): 335–351.
- Yarskaya-Smirnova E. (2010) "Da-da, ya vas pomnyu, vyi zhe u nas neblagopoluchnaya semya!" Diskursivnoe oformlenie sovremennoy rossiyskoy politiki [“Yes, I Remember You, You are that Problem Family!» Discursive Shaping of Contemporary Russian Policy]. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society], 2: 14–25.